

Б. МИХАЙЛОВ

ТРИ ГОДА НА СЕВЕРЕ

(К 100-летию пребывания П. Л. Лаврова
в вологодской ссылке)

ПЕТР ЛАВРОВИЧ ЛАВРОВ (1823—1900), известный идеолог народничества, неутомимый пропагандист социализма, ученый и мыслитель, философ и математик, член I Интернационала, близко знакомый с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, в течение нескольких лет находился в вологодской ссылке.

К моменту ссылки Лавров прошел уже немалый путь борьбы с самодержавием. Являясь сыном богатого помещика, он после успешного окончания артиллерийского училища становится там преподавателем математики, а позднее ведет курс высшей математики в артиллерийской академии.

Но молодой ученый интересуется не только точными науками, он изучает историю социализма, а также успешно занимается поэзией. В обстановке революционной ситуации конца пятидесятых и начала шестидесятых годов он переходит на позиции революционного демократизма и принимает участие в общественном движении тех лет. Философские статьи П. Л. Лаврова нашли положительную оценку со стороны вождя революционной демократии Н. Г. Чернышевского на страницах журнала «Современник».

Постепенно Лавров, освободившись от либеральных колебаний, выступает с антиправительственными речами в городской думе и губернском земстве, активно участвует в студенческих волнениях. Позднее он становится членом революционного общества «Земля и воля» шестидесятых годов и сближается с Н. Г. Чернышевским. Оппозиционная активность профессора артиллерийской академии была замечена III отделением, и в осени 1861 года за них устанавливается негласное наблюдение.

Поводом для ареста Лаврова послужило неудачное покушение Каракозова (4 апреля 1866 года) на царя Александра II. При обыске на его квартире были обнаружены документы, говорившие о связях с Чернышевским и Утиным, впоследствии главой Русской секции I Интернационала, а также четыре стихотворения революционного содержания: «Пророчество», «Русскому царю», «Русскому народу» и «Новому царю».

«Пророчество» посвящено Виктору Гюго. В этом стихотворении Лавров клеймит позором контрреволюционную политику русского царизма в период революции 1848—1849 годов в Европе и называет царя Николая I «деспотом Севера». Он предсказывает грядущее свержение царской власти:

А вы, цари земли! Вы, пастиры народа!
Падучею звездой промчится ваша власть,
И вам проклятие прейдет из рода в роды!
Спешите выситься, чтобы страшней упасть!

В стихотворении же «Русскому народу» поэт-революционер требует свержения царя-деспота.

В донесении о произведенном обыске указывалось, что этими стихотворениями «возбуждается неуважение к личным качествам императора Николая I и к управлению его государством», а в последнем из них, обращенном к Александру II, «в дерзких выражениях осуждается торжество коронации и возбуждается неуважение к священной особе его императорского величества»*.

Найденных улик оказалось достаточно для ареста и предания военному суду полковника артиллерии и известного профессора математики. По постановлению суда, утвержденному царем, полковника П. Л. Лаврова решено было уволить со службы, «без преимущества оноё приобретенных, и отослать на житье в одну из внутренних губерний... подчинив на месте жительства строгому надзору полиции и воспретив въезд в столицу»**.

После девятимесячного заключения П. Л. Лавров в феврале 1867 года был отправлен под строгий полицейский надзор бессрочно в Вологодскую губернию, которую тогда не без основания называли «ближней Сибирью». Единомышленник и соратник Чернышевского отбывал ссылку в Тотьме, Вологде и Кадниково.

ЗДЕСЬ, по словам Л. Ф. Пантелеева, он «работал не покладая рук» и в то же время живо интересовался общественной жизнью края вплоть «до устройства любительских спектаклей в Тоть-

* ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 272, лл. 1—2.

** Там же, л. 6.

П. Л. Лавров.

ме». На его квартире очень часто собирались все ссыльные, кроме того приходили учителя и другие местные жители.

П. Л. Лавров был центром тамошней ссылки, а когда по причине болезни он получил разрешение жить в Вологде, то его, — рассказывает в своих воспоминаниях М. П. Сажин, — провожала за город «большая компания из ссыльных и местных знакомых». Среди провожавших были учителя уездного училища — Дмитревский и Кубеницкий, лесничий Проневский, кондуктор Модзелевский и даже заседатель уездного суда Леонтьев. Проводы состоялись на трех траjkах лошадей 29 августа 1868 года, без разрешения местных властей.

Проводы длились около четырех часов и закончились тостами в честь Лаврова и его старушки-матери, находившейся вместе с ним. После этого, по знаку ссыльного студента Линева, провожавшие «подхватили Лаврова на руки, внесли в тарантас с криком ура и... когда тарантас тронулся, еще раз кричали ура».

В Вологде Петр Лаврович поселился в доме по Архангельской улице (ныне улица Чернышевского). Здесь он встретился с находившимися тогда в ссылке революционерами Н. В. Шелгуновым, В. В. Берви-Флеровским и М. П. Сажиным.

Вологжанин, писатель-народник П. В. Засодимский дает в своих воспоминаниях образ Лаврова. Это был средних лет

мужчина, высокого роста, с густыми рыжеватыми волосами, с такой же густой бородой и с большими голубыми глазами. Лавров был всегда спокойным, сдержаным и решительным в своих действиях.

Пребывание его в Вологде оказалось очень кратковременным. Узнав о шумных проводах, устроенных Лаврову в Тотьме, губернские власти всполошились и решили наказать за это прежде всего самого виновника торжества. Поэтому уже 3 октября того же года он по распоряжению губернатора был отправлен в Кадников, где также пользовался большой популярностью среди населения.

Человек высокой умственной культуры, с поразительно развитыми трудовыми навыками, Лавров, несмотря на многие неудобства захолустной жизни, очень много работал в области философии, социологии, истории и антропологии. Свои многочисленные статьи он помещал в известных тогда журналах «Отечественные записки», «Неделя», «Современное обозрение», «Библиограф» и других, большей частью под прозрачным псевдонимом «П. Миртов».

Один из ближайших учеников и друзей П. Лаврова К. Тарасов писал: «На другого человека, привыкшего жить в привилегированном обществе и среди лучшей части петербургской интеллигенции, такая ссылка могла бы подействовать убийственно. Петра же Лавровича... печальная внешняя среда заставила лишь остановить все внимание на литературной деятельности. К этому времени относятся его знаменитые «Исторические письма», помещенные сначала отдельными главами в «Неделе» 1868—1869 гг., а затем вышедшие книжкой, которая произвела такое глубокое впечатление на русскую молодежь и так сильно подготовила почву для последующей социалистической пропаганды в народе»*.

Теория «неоплатного долга» интеллигенции перед народом, развитая Лавровым в этом произведении, была с энтузиазмом подхвачена молодежью, как и призыв к созданию революционной партии, основанной на союзе передовой интеллигенции с народом.

«Исторические письма» стали для революционной молодежи призывом к «хождению в народ». Они «стимулировали наш ум, давали синтез, философию жизни», — свидетельствует в своих воспоминаниях видный народник О. В. Аптецман. Революция признавалась закономерным явлением. Тот же Аптецман утверждает: «Это была книга жизни, революционное евангелие, философия революции».

Но не столько в начале семидесятых

* ЦГИА СССР. ф. 1410, оп. 3, д. 751, л. 13.

годов, в период массового «хождения в народ», сколько позднее, когда стала ясна для многих народников ошибочность бунтарской теории Бакунина, идеи Лаврова были особенно популярны.

Активная участница народнического движения С. А. Викторова-Вальтер вспоминает, что в конце семидесятых годов «влияние Лаврова было в полном расцвете».

«Исторические письма» Лаврова, бывшие предметом культа для большинства народников,— пишет Викторова-Вальтер в своих мемуарах,— вызывали бесконечные прения на сходках. Колossalная фигура Лаврова, первого русского революционера-философа, царила над всеми остальными философами и публицистами того времени. Его учение об «Общественном долгах» захватывало и возбуждало, открывая совершенно новый мир в нравственном понимании общественных задач личности. Он был единственным учителем тогдашней молодежи, перед авторитетом которого блекли и Герцен и Михайловский...

...Лавров считал необходимым для революционера, идущего в народ, широкий круг знаний и строгую нравственную выработку личности. Эти требования, поставленные им в основу всего, производили огромное впечатление на молодежь, которая с энтузиазмом набросилась на его учение, уже несколько разочаровавшись к тому времени в анархизме*.

П. Л. Лавров отдавал переписывать свои работы, в том числе и «Исторические письма», семинаристам и гимназистам. Кроме того, раз в неделю, по четвергам, он устраивал в своей квартире литературные вечера, которые посещались и учащимися старших классов. Лавров часто читал вслух самые различные книги. Слушать его чтение, так как он был «бесподобный чтец», — по свидетельству Н. А. Иваницкого, — «собирались немало народу». Современники в своих воспоминаниях отмечают редкую способность Лаврова применяться к уровню людей самого ограниченного образования. Он пользовался большой популярностью среди учащихся, как человек любезный и хорошо относящийся к молодежи. Гостей всегда поражали его энциклопедические знания и изумительная память.

Лавров пытался установить связь с местным населением не только как общественный деятель, но и как ученый. 1 октября 1868 года он публикует в «Вологодских губернских ведомостях» обращение к интеллигенции губернии с призывом начать антропологическое и археологическое изучение своего края, что будет, по его словам, очень важно

«как для России, так и для науки вообще».

ПОДОБНО ЧЕРНЫШЕВСКОМУ, Лавров был очень принципиальным человеком и отвергал всякие советы об отправке прошения с просьбой прекратить ссылку или перевести его в другое место. Но в 1870 году он пришел к мысли о бегстве за границу, так как полагал, что, находясь там, можно больше принести пользы революционному движению. Вряд ли сам Лавров смог бы осуществить этот план, если бы не помочь со стороны отважного революционера-практика Германа Александровича Лопатина, который предложил свои услуги в организации побега Лаврова его родственникам, жившим в Петербурге...

Лопатин в черкесской бурке, с паспортом на имя офицера Скирмунта внезапно появился в Кадниково, где проживал тогда автор «Исторических писем». Одетый в форму отставного штабс-капитана, под носом у кадниковских жандармов, Лопатин 15 февраля вывез Лаврова из города на лихой тройке лошадей.

О хладнокровии, с каким действовал Лопатин, говорит такой факт. При бегстве Лавров забыл захватить куличек с пирожками, напечеными в дорогу старушкой-матерью, и вспомнил о нем, когда уже беглецы выехали из города. Лопатин, узнавший об этом, вернулся назад, несмотря на то, что Лавров умолял не делать этого. Все обошлось хорошо, пирожки были взяты в дорогу.

Из Кадникова Лопатин привез Лаврова в Вологду, затем в Ярославль. За Ярославлем беглецы сели в поезд и доехали до Москвы, а оттуда до Петербурга.

Побег прошел благополучно, несмотря на случайную встречу с начальником губернского жандармского управления полковником Мерклинским на постоялом дворе в Грязовце. Но Мерклин не узнал Лаврова, так как тот сидел в повозке с завязанным лицом. Лавров вскоре уехал за границу с паспортом... на имя того же самого отставного офицера Скирмунта. Вслед за ним выехал за границу и Лопатин.

Еще находясь в Тотьме, Лавров познакомился с красивой и образованной женщиной — Анной Чаплицкой, находившейся там в ссылке с марта 1866 года за причастность к польскому восстанию 1863 года. Впоследствии их взаимная симпатия переросла в любовь, и они часто встречались в период вологодской ссылки. За год до бегства Лаврова Анна Чаплицкая получила разрешение переселиться на жительство (тоже под надзором полиции) в Пензенскую губернию. В феврале 1869 года она бежала за границу, где, снова встретившись с Лавровым, вышла за него замуж.

Замести следы побега П. Л. Лаврова

* С. А. Викторова-Вальтер. Московская радикальная молодежь 70—80-х годов. ВОГА. ф. 1038, оп. 1, д. 15, лл. 44—45.

активно помогала его восьмидесятилетняя мать. После побега жандармы, как и обычно, всю ночь дежурили у квартиры Лаврова и по-прежнему видели его тень, двигавшуюся по шторам. Но им было невдомек, что роль «тени» в данном случае аккуратно выполняла мать беглеца.

О побеге Лаврова знала еще служанка Мария Зимякова, но она также молчала. Благодаря этому местные власти узнали о побеге автора «Исторических писем» только спустя семь дней, когда он был уже далеко от Вологды. Вполне возможно, что в организации побега Лаврову помогал бывший воспитанник Вологодской духовной семинарии, занимавший в то время должность помощника правителя канцелярии губернатора, Е. В. Кедровский. Используя свой служебный пост, он сам отправлял письма Лаврова на почту, желая устраниить их просмотр полицией.

Беспримерный по смелости и ловкости побег поразил все губернское начальство. Жандармский полковник Мерклин говорил: «Подобного побега, подобной ловко задуманной и исполненной штуки я не видывал». Розыск был безуспешен. Не помогли полиции и приметы беглеца, разосланные всем губернаторам страны.

Поиски Лаврова окончательно прекратились только после получения министром внутренних дел письма из-за границы. Идеолог русских революционеров писал царскому министру:

«Я оставил Россию, потому что в ссылке, где я находился, я не имел никакой возможности продолжать мои научные работы... Очень сожалею, что поставлен был в необходимость оставить отечество, но не смогу в него вернуться, пока не буду иметь возможности жить в Петербурге и спокойно продолжать там мои занятия*.

ОКАЗАВШИСЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ, автор «Исторических писем» стал членом Международного товарищества рабочих — I Интернационала. В 1871 году, находясь в столице Франции, Лавров оказывал посильную помощь Парижской Коммуне, а в начале мая поехал в Брюссель и Лондон, чтобы содействовать организации этой помощи извне. Вернувшись в Париж в июле 1871 года, он организовал побеги коммунаров из Франции.

От Маркса Лавров воспринял мысль о коммуне, как новом типе государства, и развел ее в своей книге «Парижская Коммуна», которую, по свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, В. И. Ленин «считал лучшей после «Гражданской войны во Франции» К. Маркса». Он был лично знаком с Марксом и Энгельсом. Основоположники марксизма в своих письмах

неизменно называли Лаврова «дорогим другом», внимательно прочитывали его философские работы, нередко подвергая их серьезной критике за эклектизм, за сход от материализма к идеализму.

Вскоре Лавров становится основателем и редактором журнала «Вперед» — органа революционной русской эмиграции. Таким образом автор «Исторических писем» хотел помочь подготовке революции в самой России. На страницах журнала он знакомил русских народников с западноевропейским социалистическим движением. В 1880 году, совместно с Плехановым, Лавров начал издание «Русской социально-революционной библиотеки». В это время он становится на позиции народовольцев и даже редактирует «Вестник Народной Воли». Взгляды Маркса и Энгельса оказали некоторое влияние на Лаврова, однако перейти на позиции марксизма он так и не смог.

Отдавая дань плодотворной деятельности Лаврова, как «ветерана революционной теории», В. И. Ленин в то же время в ряде своих работ критикует его народнические взгляды.

За границей Лавров продолжает заниматься революционной поэзией и в 1873 году пишет на мелодию французской марсельезы революционную песню «Отречемся от старого мира...» С марсельезой на устах русский народ прошел через огонь трех революций.

ОДНОВРЕМЕННО с П. Л. Лавровым в вологодской ссылке находились соратник Н. Г. Чернышевского Н. В. Шелгунов; автор известной книги «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровский; молодой революционер, а позднее участник Парижской Коммуны, М. П. Сажин и другие.

В те годы, под непосредственным влиянием этих ссылочных революционеров, особенно Лаврова и Шелгунова, среди вологодской молодежи возникли кружки последователей Чернышевского — «чертышевцев». Немало вологжан, получивших первое политическое образование в этих кружках, стало в ряды революционных народников и приняло активное участие в «хождении в народ». Среди них особенно известны Ф. Н. Лермонтов, М. В. Купреянов, В. Д. Дьяков, А. И. Сиряков, Д. Я. Суровцев, А. А. Каменский, А. А. Малиновский и П. П. Попов.

Память о Петре Лавровиче Лаврове бережно хранится в Вологодском крае. В краеведческих музеях городов, в которых он находился в ссылке — в Тотьме, Вологде и Кадниково, — имеются экспозиции, посвященные пребыванию здесь идеолога народничества. В Кадниково, на домике, в котором Лавров жил последние годы своей ссылки, установлена памятная мемориальная доска. В Вологде в связи со столетием его пребывания в городе. Спортивная улица переименована в улицу Петра Лаврова.

* ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 272, л. 78.